

УДК 821 В. Набоков

**АНТИТЕЗА ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В РОМАНЕ НАБОКОВА «ЛОЛИТА»
THE ANTITHESIS OF EUROPE AND AMERICA IN NABOKOV'S NOVEL
"LOLITA"**

А. А. Гошка
А. А. Hoshka
БГПУ (Минск)

Науч. рук. – Т. Е. Комаровская, д-р филол. наук, профессор

В статье сопоставляется рецепция европейской и американской реальности в романе «Лолита» на примере двух бинарных оппозиций героев произведения: Лолита – Гумберт Гумберт, Куилти – Гумберт Гумберт.

The article presents a comparison of reception of European and American reality in the novel "Lolita". The comparison is based on two binary oppositions: Lolita – Humbert Humbert, Humbert Humbert – Quilty.

Ключевые слова: антитеза; «европейская испорченность», «американская невинность», Европа; Америка; Владимир Набоков; «Лолита».

Key words: antithesis; "European corruptness"; "American innocence"; Europe; America, Vladimir Nabokov, "Lolita".

Владимир Набоков прожил половину своей жизни в Европе, вторую же половину провел в Америке и говорил о себе как о писателе американском. Два мира – Новый и Старый свет – неизбежно сталкиваются в его творчестве, и особенно ярко можно проследить эту коллизию в романе «Лолита». Гумберт Гумберт олицетворяет собой старые порядки Европы, в то время как Лолита воплощает образ молодой Америки. Он – образованный, галантный европеец, который очаровывает как малолетнюю мечтательную девочку, так и читателей. Несмотря на омерзительную, порочную страсть к «нимфеткам» (которую Гумберт, впрочем, не устает оправдывать и романтизировать, сравнивая с древними владыками, имевшими гарем из юных рабынь, и поэтами с их музами), читатель невольно симпатизирует и сочувствует главному герою. Героиня же – «плоть от плоти породившей ее страны» [2, с. 73]. «Это к ней [Лолите] обращались рекламы, это она была идеальным потребителем, субъектом и объектом каждого подлого плаката. Она пыталась обедать только там, где святой дух некоего Дункана Гайса, автора гастрономического гида, сошел на фасонисто разрисованные бумажные салфеточки и на салаты, увенчанные творогом» [3, с. 200].

К сопоставлению Америки и Европы часто обращался в своем творчестве еще Г. Джеймс. Притом, если в раннем творчестве мотивы его произведений включали антитезу «европейской испорченности и американской невинности» [1], то впоследствии взгляды писателя исследователи называют пессимистичными, он разочаровывается в духовном развитии Америки и приходит к выводу о ведущей роли капитализма в жизни общества. Сопоставляя Америку и Европу, Г. Джеймс не столько обращает внимание на разницу быта и общественных настроений, сколько противопоставляет Новый и Старый свет как два полюса нравственности.

Набоков же эти образы, эту антитезу выворачивает наизнанку: представитель «испорченной Европы» Гумберт страдает от чувства вины, сожалеет о загубленном детстве девочки, питает к ней искреннюю любовь, более того, он даже не является первым любовником Лолиты; она же, являясь, с одной стороны, ребенком, призванная воплощать американскую невинность, в то же время пугает Гумберта своей вульгарностью; мозг девочки пропитался рекламой, журналами и прочими

навязанными обществом потребления вещами, разврат имеет для нее статус нормы, и Лолита в итоге сама соблазняет Гумберта.

Е. В. Староверова подмечает, что «европейская искусственность и изощренность Гумберта на деле оборачиваются едва ли не наивностью, благодаря которой так успешно дурачат его Лолита и Куилти. Детская же невинность и американская безыскусственность Лолиты оборачиваются многоопытностью и распушенностью современного американского подростка, воспитанного на голливудских фильмах и дешевых журналах. Гумберт является растлителем Лолиты лишь в его собственном представлении» [5].

Нравы «молодой Америки» отражены в романе не только в образе Лолиты, но и посредством ее окружения. Начиная от пошлых мотелей, рекламных вывесок, киножурналов и дешевых фальшивых аттракционов вроде «Магической Пещеры индейцев» и заканчивая лагерем «Ку», в который ездила Лолита и в котором сексуальные опыты детей и подростков имели статус нормы. Тут можно вспомнить первую любовь Гумберта – Анабеллу. Описывая страсть, вспыхнувшую между ними в детстве, Гумберт упоминает, что они никак «не могли найти места, где бы совокупиться, как без труда находят дети трущоб» [3], что представляет Европу не менее развращенной в этом плане, чем Америку. Гумберт, правда, также замечает, что «духовное и телесное сливалось в нашей любви в такой совершенной мере, какая и не снилась нынешним на все просто смотрящим подросткам с их нехитрыми чувствами и штампованными мозгами» [3, с. 21].

Набоков также высмеивает моду на фрейдизм в Соединенных Штатах, рассказывая о мисс Пратт из Бердслейской школы, где учится Лолита. Роберт Роупер отмечает: «Забота о «приспособлении ребенка к жизни группы», по мнению мисс Пратт, это в первую очередь сексуальное воспитание, а не нравственное или интеллектуальное развитие. Как типичный американский педагог середины XX века она ставит секс на первое место: «танцы, дебаты, любительские спектакли и встречи с мальчиками», поясняет она Гумберту политику школы. Даже в предисловии романа вымышленный доктор Рэй отмечает, будто бы «каждый год не меньше 12% взрослых американцев мужского пола проходит через тот особый опыт, который «Г. Г.» описывает с таким отчаянием», как бы подчеркивая обыденность в растлении детей» [4]. Однако, несмотря на то, что Набоков Фрейда недолюбливал и высмеивал, чувства Гумберта вполне соответствуют учениям австрийского психоаналитика. Влюбленность в Лолиту изначально представлена читателям как следствие пережитой в детстве травмы: неразрешившегося сексуального напряжения и утраты юной возлюбленной.

В первой части романа любовь Гумберта к Лолите напоминает не то маниакальную одержимость, навязчивую фиксацию, не то обожествление. Как бы ни старался Гумберт романтизировать свою страсть, как бы поэтично не описывал ее, она все равно представляется читателю грязной и порочной, выросшей из сексуальной патологии. Во второй же части мы можем наблюдать, как чувства Гумберта трансформируются в нечто большее. После напряженной, исполненной паранойи попытки сбежать вместе с Лолитой от Куилти и опустошающего побега самой девочки, Гумберт сталкивается с тем, чего боялся больше всего: он теряет Лолиту. После долгих безуспешных поисков Гумберт остается в одиночестве, и тогда его чувства меняются: это уже не слепая мания, а нечто более глубокое.

В конце романа, когда Гумберт приезжает к повзрослевшей, беременной Лолите, он понимает, что в ней почти ничего не осталось от той нимфетки, ее тело перестает быть для него привлекательным, однако он готов отдать все, лишь бы Лолита позволила любить ее. Чувства Гумберта как бы лишаются своего порочного

начала, теперь в них хочется верить. Тем более, стоя над пропастью под Эльфинстоном и слушая голоса детей, Гумберт осознает тяжесть своего преступления и раскаивается в нем. «Поскольку не доказано мне, <...> что поведение маньяка, лишившего детства североамериканскую малолетнюю девочку, Долорес Гейз, не имеет ни цены, ни веса в разрезе вечности – поскольку мне не доказано это (а если можно это доказать, то жизнь – пошлый фарс), я ничего другого не нахожу для смягчения своих страданий, как унылый и очень местный паллиатив словесного искусства» [3, с. 387].

Это наводит на вторую параллель в романе, еще одну антитезу Европы и Америки, однако представленную совершенно иначе. Если образ Лолиты совмещает в себе вульгарность и наивность, как Америка для Набокова сочетает в себе девственную красоту пейзажей и пошлый капитализм, то образ Куилти однозначно отрицательный. Он является антиподом Гумберта, его темным, американским двойником, который, вроде бы, совершает то же преступление, но совершенно иначе. Страсть Гумберта к нимфетке хоть и несомненно порочная, но все же осторожная, трепетная и настоящая (Гумберт даже в какой-то мере обожествляет свою возлюбленную; недаром он постоянно повторяет: «Я поэт, а не убийца»), и в итоге превращается в глубокое чувство к взрослой женщине. В то же время деятельность Куилти мотивирована исключительно извращенным развратом, похотью и деньгами. Ту «слабость к нимфеткам», которую так поэтизирует Гумберт, Куилти превращает в грязный источник заработка. Что показательно, в конце жизни, в отличие от своего европейского двойника, Куилти не только не раскаивается, но даже не осознает тяжесть своего преступления. Впрочем, ее не осознает и Лолита, говоря о растлении легко, как бы между прочим: так, «корка засохшей грязи, приставшей к ее детству» [3, с. 372].

Таким образом, в романе наблюдаются две бинарные оппозиции: Гумберт и Лолита, Гумберт и Куилти. И если первая раскрывает антитезу Америки и Европы неоднозначно, двусмысленно, то вторая ярко противопоставляет «возвышенное» и «низменное», раскаяние европейца Гумберта и погрязшего в коммерческом разврате американца Куилти.

Литература

1. Беспалова, Е. К. Генри Джеймс – первопроходец трансатлантической литературы [Электронный ресурс] / Е. К. Беспалова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/genri-dzheyms-pervoprohodets-transatlanticheskoy-literatury> – Дата доступа: 15.03.2020.
2. Мулярчик, А. С. Современный реалистический роман США: 1945–1980 : учеб. пособие для вузов по спец. «Рус. яз. и лит.» / А. С. Мулярчик. – М. : Высш. шк., 1988. – 174 с.
3. Набоков, В. В. Лолита / В. В. Набоков. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. – 448 с.
4. Роупер, Р. Набоков в Америке. По дороге к «Лолите» / Р. Роупер. – М. : Corpus, 2015. – 384 с.
5. Староверова, Е. В. Американская литература / Е. В. Староверова: – Саратов : Лицей Изд-во ОАО, 2005. – 319 с.